

Б.В. Соколов

Иван Бездомный

ИВАН БЕЗДОМНЫЙ (Иван Николаевич Поньрев) — персонаж романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», поэт, превращающийся в эпилоге в профессора Института истории и философии. Одним из прототипов Ивана Бездомного был поэт Александр Ильич Безыменский, чей псевдоним, ставший фамилией, спародирован в псевдониме Бездомный. В редакции «Мастера и Маргариты» 1929 упоминался памятник «знаменитому поэту Александру Ивановичу Житомирскому, отравившемуся в 1933-м году осетриной», причем памятник располагался напротив Дома Грибоедова. Учитывая, что Безыменский был родом из Житомира, намек здесь был еще прозрачнее, чем в окончательном тексте, где комсомольский поэт остался связан лишь с образом Ивана Бездомного. Безыменский выступал с резкими нападками на «Дни Турбиных», а его пьеса «Выстрел» (1929) пародировала это булгаковское произведение. «Выстрел» был высмеян в эпиграмме В. Маяковского, написанной в декабре 1929 или январе 1930, где о Безыменском было сказано достаточно резко: «Уберите от меня этого бородатого комсомольца!..» Ссора Безыменского и Маяковского спародирована в ссоре Ивана Бездомного с поэтом Александром Рюхиным (прототипом последнего послужил Маяковский).

Предсказание Воланда, что Иван Бездомный окажется в сумасшедшем доме, восходит к роману английского писателя Чарльза Мэтьюрина «Мельмот Скиталец (1820)». Там один из героев, некий Стентон, встречается с Мельмотом, продавшим душу дьяволу. Мельмот предсказывает, что их следующая встреча произойдет в стенах сумасшедшего дома ровно в двенадцать часов дня. Отметим, что в ранней редакции романа «Мастер и Маргарита» в психиатрической лечебнице профессора Стравинского перед Иваном Бездомным являлся не Мастер, как в окончательном тексте, а Воланд. Стентон, самоуверенно полагавший, что ему нечего узнавать у посланца сатаны, действительно вскоре заключается своими близкими в сумасшедший дом, причем это вызвано «постоянными разговорами его о Мельмоте, безрассудной погоней за ним, странным поведением в театре и подробным описанием их необыкновенных встреч, которые делались с глубочайшей убежденностью». В лечебнице Стентон сначала буйствует, но потом решает, что «самым лучшим для него будет прикинуться покорным и спокойным в надежде, что с течением времени он либо умилюстит негодяев, в чьих руках он сейчас оказался, либо, убедив их в том, что он человек безобидный, добьется себе таких поблажек, которые в дальнейшем, может быть, облегчат ему побег». У героя Мэтьюрина в сумасшедшем доме «оказались два пренеприятных соседа», один из которых постоянно распевал оперные куплеты, а второй, прозванный «Буйной головой», все время повторял в бреду: «Руфь, сестра моя, не искушай меня этой телячьей головой [имеется в виду голова казненного во время Пуританской революции английского короля Карла I], из нее струится кровь; молю тебя, брось ее на пол, не пристало женщине держать ее в руках, даже ежели братья пьют эту кровь». И однажды в полночь к Стентону в лечебницу является Мельмот.

Злоключения незадачливого героя Мэтьюрина у Булгакова в точности повторяет Иван Бездомный. Поэт гонится за Воландом; после рассказа о встрече с «иностранным профессором» на Патриарших, который будто бы беседовал с Понтием Пилатом, Ивана Бездомного принимают за сумасшедшего и заключают в клинику Стравинского. Там он в конечном счете приходит к той же линии поведения, что и Стентон в «Мельмоте Скитальце». Соседями Ивана Бездомного в лечебнице оказываются председатель жилтоварищества Никанор Иванович Босой, декламирующий во сне монолог пушкинского Скупого рыцаря, и конферансье Театра Варьете Жорж Бенгальский, бредящий о своей отрезанной во время сеанса черной магии голове.

В судьбе поэта Ивана Бездомного, превратившегося к финалу романа в профессора Института истории и философии Ивана Николаевича Понырева, Булгаков как бы дал ответ на предположение одного из видных мыслителей-евразийцев и гениального лингвиста князя Н.С. Трубецкого, который в 1925 в статье «Мы и другие», опубликованной в берлинском «Евразийском временнике», высказывал надежду:

«Положительное значение большевизма может быть в том, что, сняв маску и показав всем сатану в его неприкрытом виде, он многих через уверенность в реальность сатаны привел к вере в Бога. Но, помимо этого, большевизм своим бессмысленным (вследствие неспособности к творчеству) ковырянием жизни глубоко перепахал русскую целину, вывернул на поверхность пласты, лежавшие внизу, а вниз — пласты, прежде лежавшие на поверхности. И, быть может, когда для созидания новой национальной культуры понадобятся новые люди, такие люди найдутся именно в тех слоях, которые большевизм случайно поднял на поверхность русской жизни. Во всяком случае, степень пригодности к делу созидания национальной культуры и связь с положительными духовными основами, заложенными в русском прошлом, послужат естественным признаком отбора новых людей. Те, созданные большевизмом новые люди, которые этим признаком не обладают, окажутся нежизнеспособными и, естественно, погибнут вместе с породившим их большевизмом, погибнут не от какой-нибудь интервенции, а от того, что природа не терпит не только пустоты, но и чистого разрушения и отрицания и требует созидания, творчества, а истинное, положительное творчество возможно только при утверждении начала национального и при ощущении религиозной связи человека и нации с Творцом Вселенной».

При встрече с Иваном, тогда еще Бездомным, Воланд призывает поэта сперва поверить в дьявола, рассчитывая, что тем самым Иван Бездомный убедится в истинности истории Понтия Пилата и Иешуа Га-Ноцри, а затем поверит и в существование Спасителя. В полном соответствии с мыслями Трубецкого поэт Бездомный обрел свою «малую родину», сделавшись профессором Поныревым (фамилия происходит от станции Поныри в Курской области), как бы приобщаясь тем самым к истокам национальной культуры. Однако нового Ивана Бездомного поразила бацилла всезнайства. Этот человек, поднятый революцией на поверхность общественной жизни, сначала — известный поэт, после — известный ученый. Он пополнил свои знания, перестав быть тем девственным юношей, который пытался задержать Воланда на Патриарших прудах. Однако в реальность дьявола, в подлинность истории Пилата и Иешуа Иван Бездомный верил, пока сатана и его свита были в Москве и пока сам поэт общался с Мастером, чей завет Иван Бездомный, формально говоря, выполнил, отказавшись в эпилоге от поэтического творчества. Но подобным же образом Степан Богданович Лиходеев по рекомендации Воланда перестал пить портвейн и перешел на одну только водку, настоянную на смородиновых почках. Иван Николаевич Понырев убежден, что нет ни Бога, ни дьявола, а он сам в прошлом стал жертвой гипнотизера. Прежняя вера оживает у профессора только раз в год, в ночь весеннего полнолуния, когда он видит во сне казнь Иешуа, воспринимаемую как мировую катастрофу. Видит Иешуа и Пилата, мирно беседующих на широкой, заливаемой лунным светом дороге, видит и узнает Мастера и Маргариту. Сам же Иван Бездомный к подлинному творчеству не способен, а истинный творец — Мастер — вынужден искать защиты у Воланда в последнем приюте. Здесь проявился глубокий скептицизм Булгакова относительно возможности перерождения к лучшему тех, кто был принесен в культуру и общественную жизнь Октябрьским переворотом 1917 года. Автор «Мастера и Маргариты» не видел в советской действительности таких людей, появление которых предсказывали и на которых надеялись князь Трубецкой и другие евразийцы. Возвращенные революцией, вышедшие из народа поэты-самородки, по мнению писателя, были слишком далеки от ощущения «религиозной связи человека и нации с Творцом Вселенной», и утопией оказалась идея, что они смогут стать творцами новой национальной культуры. «Прозревший» и превратившийся из Бездомного в Понырева Иван ощущает подобную связь лишь во сне.

Превращение Ивана Бездомного из поэта в единственного ученика Мастера, в профессора, забывшего и о поэзии, и о Мастере (о своем учителе Иван Бездомный вспоминает только раз в год, в ночь весеннего полнолуния), воспроизводит один из сюжетов великой драматической поэмы И.В. Гёте — историю Студента, пришедшего

учиться у Фауста и ставшего достойным учеником Мефистофеля. Отметим, что Иван Бездомный — ученик не только Мастера, но и Воланда, так как именно сатана преподает ему историю Понтия Пилата и Иешуа Га-Ноцри и заставляет поверить в существование нечистой силы. Гетевский Студент признается:

Скажу со всею прямою:
Мне хочется уже домой.
От здешних тесных помещений
На мысль находит помраченье.
Кругом ни травки, ни куста,
Лишь сумрак, шум и духота.

(Перевод Б. Пастернака)

Иван Бездомный оказывается заключен в палату в клинике Стравинского, за окном которой — недоступные больному река, зеленая трава и сосновый бор. Здесь у него наступает помрачение ума: поэт плачет и никак не может изложить на бумаге историю своей встречи с Воландом и услышанный рассказ о прокураторе Иудеи. Затем следует дьявольское просветление — Иван Бездомный перестает горевать о погибшем Берлиозе: «Важное, в самом деле, происшествие — редактора журнала задавило!.. Ну, царство небесное ему! Ну, будет другой редактор и даже, может быть, еще красноречивее прежнего». Иван Бездомный, превращаясь из Бездомного в Понырева, как бы избавляется от тоски по дому, присущей и герою Гёте. Студент утверждает:

Три года обучения — срок,
По совести, конечно, плевый.
Я б многого достигнуть мог,
Имей я твердую основу.

Эти слова пародирует Булгаков, заставляя Ивана Бездомного предложить: «Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки!» Воланд же приходит в восторг от этого предложения, замечая, что «ему там самое место!» и вспоминая разговор с И. Кантом за завтраком: «Вы, профессор, воля ваша, что-то нескладное придумали! Оно, может, и умно, но больно непонятно. Над вами потешаться будут». Здесь имеется в виду весьма специфическое обучение Канта — в концлагере на Соловках, а три года — как раз срок обучения средневековых студентов, о котором говорит герой «Фауста». Нравственное доказательство бытия Божия, выдвинутое Кантом, утверждает основу нашей совести, данную Богом в виде категорического императива — не делать другому того, что ты не хотел бы испытать на себе. Ясно, что оно неприемлемо для сатаны. Гетевский Мефистофель после слов Студента о твердой основе призывает ученика не следовать клятве Гиппократова, а предаться медицине другого рода:

Смысл медицины очень прост.
Вот общая ее идея:
Все в мире изучив до звезд,
Все за борт выбросьте позднее.
Зачем трудить мозги напрасно?
Валяйте лучше напрямик.
Кто улучит удобный миг,
Тот и устроится прекрасно.
Вы стройны и во всей красе,
Ваш вид надменен, взгляд рассеян.
В того невольно верят все,
Кто больше всех самонадеян.
Ступайте к дамам в будуар.
Они — податливый товар.
Их обмороки, ахи, охи,
Одышки и переполохи
Лечить возьмитесь не за страх —
И все они у вас в руках.

Предложение отправить Канта на перевоспитание в Соловки отразило и личные впечатления писателя. Е.С. Булгакова отметила в дневнике 11 декабря 1933 рассказ сестры Булгакова Надежды о том, как один из родственников ее мужа А. Земского, коммунист, «сказал про М.А.: “Послать бы его на три месяца на Днепрострой, да не кормить, тогда бы он переродился”. Миша:

— Есть еще способ — кормить селедками и не давать пить».

В речи Ивана Бездомного Булгаков превратился в Канта (кстати, с этим философом многими своими чертами связан и автобиографический Мастер), три месяца — в три года, а Днепрострой — в Соловки. (Правда, насчет того, чтобы кормить автора «Критики чистого разума» селедкой поэт обмолвиться не успел). Общение же с медициной для Ивана Бездомного оказалось куда менее приятным, чем для поучаемого Мефистофелем Студента: будущий профессор Понырев очутился в сумасшедшем доме.

Гетевский Студент слышит от представшего в костюме Фауста лукавого учителя:

Заучивайте на дому
Текст лекции по руководству.
Учитель, сохраняя сходство,
Весь курс читает по нему.
И все же с жадной быстротой
Записывайте мыслей звенья.
Как будто эти откровенья
Продиктовал вам дух святой,

и отвечает:

Я это знаю и весьма
Ценю значение письма.
Изображенное в тетради
У вас, как в каменной ограде.

Иван Бездомный в клинике Стравинского за высокой оградой безуспешно пытается воспроизвести на бумаге то «откровение» о Пилате и Иешуа, что «продиктовал» ему на Патриарших вместо «духа святого» сам Воланд.

Студент признается:

Я б стать хотел большим ученым
И овладеть всем потаенным,
Что есть на небе и земле,

и в дальнейшем превращается в самоуверенного бахвала-всезнайку Бакалавра, возглашающего:

Вот назначенье жизни молодой:
Мир не был до меня и создан мной,
Я вывел солнце из морского лона,
Пустил луну кружить по небосклону.
День разгорелся на моем пути,
Земля пошла вся в зелени цвести,
И в первую же ночь все звезды сразу
Зажглись вверху по моему приказу.
Кто, как не я, в приливе свежих сил
Вас от филистерства освободил?
Куда хочу, протаптываю след,
В пути мой светоч — внутренний мой свет.
Им все озарено передо мною,
А то, что позади, объято тьмою.

Мефистофель поражен пошлостью своего ученика:

Ступай, чудак, про гений свой трубя!
Что б случилось с важностью твоей бахвальской,
Когда б ты знал: нет мысли маломальской,
Которой бы не знали до тебя!
Разлившиеся реки входят в русло.
Тебе перебеситься суждено.

В конце концов, как ни бродило б суло,
В итоге получается вино.

Бывший Студент в запале восклицает: «Я захочу, и черт пойдет насмарку», на что Мефистофель замечает: «Тебе подставит ножку он, не каркай». В «Мастере и Маргарите» Воланд как раз и «подставляет ножку» Ивану Бездомному, приводя поэта в сумасшедший дом. 6 декабря 1829 в беседе со своим секретарем и биографом, автором «Разговоров с Гете в последние годы его жизни» И.П. Эккерманом, создатель «Фауста» следующим образом отозвался об образе Бакалавра:

«В нем олицетворена та претенциозная самоуверенность, которая особенно свойственна юному возрасту и которую в столь ярких образчиках имели вы возможность наблюдать у нас в первые годы после освободительной войны [имеется в виду война германских государств против французского императора Наполеона в 1813–1815]. В юности каждый думает, что мир начал, собственно говоря, существовать только вместе с ним и что все существуют, в сущности, только ради него».

У Булгакова, в отличие от героя Гете, Иван Бездомный, еще не будучи обременен практически никакими знаниями, легкомысленно отвергает бытие не только Бога, но и дьявола, за что и несет наказание. Бакалавр просто отрицает пользу полученных знаний, абсолютизируя собственную свободу воли:

Мальчиком я, рот разиня,
Слушал в этих же палатах
Одного из бородатых
И за чистую монету
Принимал его советы.
Все они мой ум невинный
Забивали мертвечиной,
Жизнь мою и век свой тратя
На ненужные занятия.

Иван Бездомный, в противоположность ему, в эпилоге романа предстает многознающим профессором, отрицающим существование черта, тогда как Бакалавр считает нечистую силу подвластной своей воле. Автор «Мастера и Маргариты» нового Студента, по сравнению с Гете, повысил с бакалавра до профессора. Здесь он учитывал существовавшую русскую традицию восприятия этого героя «Фауста». Так, Александр Амфитеатров в своей книге «Дьявол в быте, легенде и в литературе средних веков» отмечал: «Следуя дьявольским советам, студент — во второй части “Фауста” — обратился в такого пошлейшего “приват-доцента”, что самому черту стало совестно: какого вывел он “профессора по назначению”». Иван Бездомный, может быть, и не такой пошлый, как гетевский Бакалавр, но уверенность новоиспеченного профессора Понырева, что ему «все известно», что «он все знает и понимает», лишает Ивана Бездомного способности к подлинному творчеству, к восхождению на вершины познания, как не может подняться к высотам этического подвига Иешуа Га-Ноцри гениальный Мастер. «Исколотая память» обоих одинаково затихает, и пробуждается только в волшебную ночь весеннего полнолуния, когда Иван Бездомный и Мастер встречаются вновь. Профессор Иван Николаевич Понырев — это действительно «профессор по назначению», типичный «красный профессор», отрицающий духовное начало в творчестве и, в отличие от Бакалавра Гете, — сторонник только эмпирического опытного знания, почему все происшедшее с ним, включая встречи с Воландом и Мастером, Иван Бездомный в эпилоге объясняет гипнозом.

То, как Иван Бездомный выступает учеником Мастера, во многом повторяет ритуальную практику масонства и находит в ней свое объяснение.